

ДАНИИЛ ХАРМС

Полет в небеса

Собрание
сочинений
в трех
томах

Том 1

Даниил Хармс
Собрание сочинений.
Том 1. Полет в небеса
Серия «Собрание сочинений
в трех томах», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/50540538>

Собрание сочинений : в 3 т. Т 1 : Полет в небеса / Даниил Хармс:

Азбука, Азбука-Аттикус;

ISBN 978-5-389-19331-4

Аннотация

<p>Кто он, загадочный Даниил Хармс, – наивный гений, мастер эпатажа или лукавый мистификатор, тщательно скрывавший свою, как писал Маршак, «классическую основу»? Хармса, как одного из самых неординарных и парадоксальных писателей XX столетия, читают и изучают в России и за рубежом, однако и по сей день его работы остаются в числе самых удивительных загадок русской литературы. Бесспорным остается необыкновенный талант автора, а также его удивительная непохожесть – ничего подобного ни в России, ни за рубежом не было, нет и вряд ли когда-нибудь будет...</p>
<p>В первый том настоящего Собрания сочинений Даниила

Хармса включены стихотворения, переводы и драматические произведения.

Составление, вступительная статья и примечания Валерия Сажина

Тексты публикуются в соответствии с авторской орфографией и пунктуацией.

Ранее настоящий том выходил под названием «Авиация превращений».

Содержание

С классической основой...	6
Стихотворения	17
1925	17
1. О том как иван иванович попросил и что из этого вышло	17
2. От бабушки до Esther	20
3. Наброски к поэме «Михаилы»	23
4. Говор	28
5. Землю, говорят, изобрели конюхи	29
6. Кíка и Кóка	34
7. «Тише целуются...»	37
8. Сек	39
1926	41
9. Полька затылки (срыв)	41
10. Вьюшка смерть	44
11. Ваньки встаньки <I>	47
12. Ваньки встаньки <II>	49
13. Половинки	56
14. «в репей закутаная лошадь...»	61
15. Конец героя	63
16. Казачья смерть	66
17. «друг за другом шёл народ...»	69
18. Ответ Н. З. и Е. В.	70

19. Случай на железной дороге	71
20. Пророк с Аничкиного моста	72
21. Скупость	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Даниил Хармс

Собрание сочинений.

Том 1. Полет в небеса

С классической основой...

Вспоминая о Д. Хармсе, которого привлек к работе для детских журналов, С. Маршак говорил о нем как человеке «с абсолютным вкусом и слухом и с какой-то – может быть, подсознательной – классической основой»¹. Можно по-разному интерпретировать понятие «классической основы» у Хармса, но несомненные данные об освоении им предшествовавшей словесности говорят, по крайней мере, о литературной школе высочайшего уровня. Даже самые ранние записные книжки писателя (1925–1926) полны библиографических записей о книгах Пушкина, Достоевского, Лескова, Чехова. В большом списке стихотворений, которые Хармс в эту пору знал наизусть, – имена Блока, Гумилева, Сологуба, Ахматовой, Маяковского, Есенина². Это было, несомненно, освоение и усвоение самых разнообразных творческих явле-

¹ Маршак С. Я. Собр. соч.: В 8 т. М., 1972. Т. 8. С. 509.

² См.: Хармс Д. Полн. собр. соч.: <В 5 т. 6 кн.>. СПб., 1997–2002. <Т. 5>. Кн. 1. С. 35.

ний, которые не могли в дальнейшем не трансформироваться в собственном творчестве Хармса.

Сложность отыскания у Хармса следов этого усвоения связана с основополагающей его установкой на тотальную инверсию и решительный уход от любых прямых значений. «Ухо на щеке» (II, 2)³ – можно сказать, эмблема всего хармсовского творчества. И всякий раз загадка: откуда это ухо, так сказать, съехало на щеку.

Не стоит, разумеется, и преувеличивать зашифрованности текстов Хармса: в них достаточно прямых цитат и прозрачных реминисценций из произведений Пушкина, Гоголя, Козьмы Пруткова, Достоевского, Блока и др. При этом наиболее эффективный путь отыскания связей текстов Хармса с предшествовавшей ему «классической» литературой лежит в области ономастики: имена, отчества и фамилии хармсовских персонажей впечатляюще свидетельствуют о прочности таких связей.

Вообще тексты Хармса густо населены персонажами с именами и фамилиями. По нашим подсчетам, Хармс использует более 330 фамилий и более 130 имен. Многие из них повторяются (причем в разнообразных комбинациях).

Статистика наиболее употребляемых имен персонажей (5 и более раз) такова (в порядке убывания): Иван – 45 (в т. ч. 9 Иванов Ивановичей); Петр – 37 (в т. ч. 5 Петров Павлови-

³ Здесь и далее – отсылки к томам настоящего собрания (римскими цифрами) и соответствующим номерам текстов (арабскими).

чей); Мария – 29; Николай – 23; Антон (и женский вариант Антонина) – 20; Федор – 16; Владимир – 13; Михаил (в т. ч. 2 Михеля) – 13; Андрей – 10; Анна – 9; Елизавета – 9; Наталья – 8 (в т. ч. 2 Натальи Ивановны); Сергей – 7; Александр (и женский вариант Александра) – 7; Ольга – 6; Пантелей – 6; Алексей – 5; Нина —5; Марина – 5.

Наиболее употребляемые фамилии персонажей (3 и более раз): Петров – 12; Петраков (в т. ч. Петраков-Горбунов) – 8; Бобров (в т. ч. 3 Антона) – 6; Козлов – 6; Окнов – 5; Пирогов (и женский вариант Пирогова) – 5; Палкин – 4; Комаров – 4 (в т. ч. Камаров); Пузырёв – 4; Пятаков – 4; Колпаков – 3 (в т. ч. Колпакоп); Липавский – 3; Макаров – 3; Никандр (и вариант Никанор) – 3; Семёнов – 3.

Частота воспроизведения одних и тех же имен и фамилий порой инициирована у Хармса ближайшим окружением – родственниками и друзьями. Среди них, конечно, надо отметить его постоянных друзей и единомышленников Л. Липавского (1904–1941) и Александра Введенского (1904–1941); Марину Малич, вторую жену писателя (1912–2002); теток: Марию Ивановну (1882–1943) и Наталью Ивановну Колюбакиных (1868–1945) и сестру Елизавету (1909–1994); псевдоним Николай Макаров был у Н. М. Олейникова (1898–1937).

Вместе с тем множество данных свидетельствует о литературном происхождении имен и фамилий и способах их сочетания и функционирования в произведениях Хармса.

Нельзя не заметить у него многочисленных парных персо-

нажей: Козлов – Окнов, Петров – Камаров, Машкин – Кошкин, Пакин – Ракукин, Пузырёв – Бобырёв, мистер Пик – мистер Пак, наконец – Фадеев – Калдеев – Пепермалдеев. Это совершенное подобие явления, не раз уже отмеченного в литературе о поэтике Гоголя. У него находим: дядя Митяй – дядя Миняй, Фома Большой – Фома Меньшой, Карп – Поликарп, Перхуновский – Бербендовский, Добчинский – Бобчинский и др. Эти так называемые «двойчатки» у Гоголя являются и в сочетаниях имени и отчества: Антон Антонович, Акакий Акакиевич... У Хармса это явление приобретает гомерические размеры: Адам Адамыч (I, 347), Алексей Алексеевич (II, 193<11>) и даже Алексей Алексеевич Алексеев (II, 114, 161), Андрей Андреевич (II, 156, 193<16>), Антон Антонович (I, 348; II, 15, 91, 138), Федор Федорович (II, 63), Семен Семенович (II, 133, 193<6>), Николай Николаевич (II, 141). Особый разговор об Иванах Ивановичах. Выше отмечено, что имя Иван в текстах Хармса и относительно и абсолютно занимает первое место. Это сопрягается с высокой частотой появления Иванов у Гоголя. Степень населенности Иванами произведений Гоголя можно представить даже только по одним «Игрокам», где слуга Гаврюшка перечисляет дворню своего хозяина: «Игнатий буфетчик, Павлушка, который прежде с барином ездил, Герасим лакей, Иван – тоже опять лакей, Иван псарь, Иван опять музыкант, потом повар Григорий...»⁴ При этом число совпадений в сочетании

⁴ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 6 т. М., 1959. Т. 4. С. 161. Далее ссылки на это

этого имени с соответствующими отчествами у Хармса и Гоголя настолько велико, что не может быть случайным: Иван Яковлевич, цирюльник в «Носе» Гоголя, который «проснулся довольно рано и услышал запах горячего хлеба» (III, 44), – и три Ивана Яковлевича у Хармса (II, 68, 125, 135); Иван Антонович, заведующий крепостной канцелярией в «Мертвых душах», – Иван Антонович у Хармса (II, 43); Иван Петрович, главный герой в «Утре делового человека», – Иван Петрович Лундапундов (II, 14); Иван Андреевич, почтмейстер в «Мертвых душах», – Иван Андреевич Редькин у Хармса (II, 142); Иван Григорьевич, председатель палаты в «Мертвых душах», с которым, по словам Чичикова, он очень приятно провел время, – Иван Григорьевич Кантов (II, 7); Иван Федорович (Шпонька) – Иван Федорович в рассказе без заглавия у Хармса (II, 27). Особое место, как сказано выше, занимают и у Хармса и у Гоголя Иваны Ивановичи. У Гоголя это: хозяин квартиры, которую в пору своей бедности нанимал художник Чартков («Портрет»); крестный отец Акакия Акакиевича («Шинель»); один из гостей помещика Сторченка, к которому приезжает Иван Федорович Шпонька; его высокопревосходительство («Утро делового человека»); наконец, один из главных персонажей «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». У Хармса, как отмечено выше, это персонажи девяти текстов (I, 1, 343, 344; II, 114, 140, 193<26>; III, 1 и др.), причем Иван Ивано-

вич Никифоров – это явная контаминация гоголевских Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича.

Что же касается других «двойчаток» у Хармса в соотношении с гоголевскими, то можно сопоставить его Антонов Антоновичей (см. выше) с Антоном Антоновичем Сквозник-Дмухановским («Ревизор»); Федора Федоровича Колпакова (см. выше) с двумя Федорами Федоровичами у Гоголя (барин в сцене «Лакейская» и начальник отделения Леницын во 2-м томе «Мертвых душ»).

С гоголевским влиянием, вероятно, следует связать и несколько достаточно экзотических для хармсовского времени имен персонажей. Имя кучера и слуги Селифана из «Мертвых душ» трижды встречается у Хармса (II, 158, 192.12, 27; в последнем случае это более правильное воспроизведение старообрядческого по своему происхождению имени Селиван); отставной офицер Никанор Анучкин из «Женитьбы» встретится у Хармса (I, 138, 152; II, 39; сюда причисляем и вариант этого имени Никандр); Андрон из «Мертвых душ» (V, 198) появится в виде Андрония у Хармса (I, 143).

Наконец, должны быть отмечены «гоголевские» фамилии в произведениях Хармса: Пирогов, поручик, неудачно ухаживающий за хорошенькой блондинкой («Невский проспект»), трижды встречается у Хармса (I, 343; II, 43 и черновой набросок); помещик Бобров, о котором вспоминает Коробочка в «Мертвых душах» (V, 47), трансформируется у

Хармса в шестерых Бобровых (среди которых и отмеченная выше «гоголевская» «двойчатка» Антон Антонович); Бобов, о котором говорится в «Записках сумасшедшего» (III, 184), появится в качестве главного персонажа в неозаглавленном рассказе Хармса (II, 135)⁵.

Обследование под углом зрения ономастики совпадений в текстах Хармса с произведениями другого его любимого писателя – Достоевского, безусловно, должно учитывать также то, давно уже ставшее аксиомой, положение, что сам Достоевский находился под значительным влиянием гоголевской поэтики и ее пародированием преодолевал это влияние. Поэтому, разумеется, у Достоевского встречаем всё те же «гоголевские» «двойчатки» в наименованиях персонажей и прочие, отмеченные выше свойства, в проявлении которых у Хармса невозможно отделить влияние Гоголя от Достоевского. Скажем, вышесопоставленные у Хармса и Гоголя Антоны Антоновичи присутствуют и у Достоевского в «Записках из подполья» и «Записках из Мертвого дома»; Федоры – в «Бедных людях» и «Записках из Мертвого дома»; Иваны Ивановичи – в «Селе Степанчикове...» и «Записках из Мертвого дома»; Иваны Петровичи – в «Униженных и оскорбленных» и «Романе в девяти письмах»; Иваны Андреевичи – в «Чужая жена и муж под кроватью» и «Романе в

⁵ О гоголевских мотивах у Хармса см.: *Jaccard J.-Ph.* Daniil Harms et la fin de l'avant-garde russe. Bern... 1991 (в перев. на русский яз.: СПб., 1995) – по указателю; *Сажин В.* Тысяча мелочей // Новое литературное обозрение. 1993. № 3. С. 96–98.

девяти письмах».

Наряду с этим в наименованиях персонажей у Хармса и Достоевского находим и оригинальные совпадения: Семен Семеныч у Достоевского («Крокодил», «Преступление и наказание») встретится также в двух текстах Хармса (см. выше); Иван Матвеевич («Крокодил» и «Записки из Мертвого дома») имеется и у Хармса (I, 35); Елену Ивановну («Крокодил» и «Преступление и наказание») обнаруживаем у Хармса (II, 4); Фома («Село Степанчиково...» и «Господин Прохарчин») – одно из любимых хармсовских имен (II, 19, 29, 42); по два раза появляется имя Тимофей у Достоевского («Бедные люди» и «Крокодил») и Хармса (II, 193<29>); отмеченной высокой частоте имени Петр у Хармса корреспондируют Петры у Достоевского («Бедные люди», «Двойник», «Роман в девяти письмах», «Как опасно предаваться честолюбивым снам», «Преступление и наказание»); кухарка Пелагея, являющаяся во сне в «Как опасно предаваться...» Достоевского, встретится и у Хармса (II, 1; едва ли не в той же функции); многочисленные хармсовские Елизаветы (см. выше) находятся и у Достоевского («Чужая жена и муж под кроватью», «Записки из подполья», «Преступление и наказание»); Глафиру из «Чужая жена и муж под кроватью» Достоевского найдем у Хармса (I, 159); многочисленные хармсовские Андреи (см. выше) у Достоевского присутствуют в трех произведениях («Двойник», «Господин Прохарчин» и «Преступление и наказание»). Обращает на себя внимание

то, что из «Крокодила» Достоевского у Хармса встречаются имена всех действующих лиц (за исключением немца). Укажем также на многочисленные совпадения в фамилиях персонажей Достоевского и Хармса: Тюльпанов из Достоевского («Село Степанчиково...») появится в двух текстах Хармса (I, 73, 108; в первом случае – прямая аллюзия на произведение Достоевского); Пузырёв («Чужая жена и муж под кроватью») – в трех прозаических текстах Хармса (II, 107 (вариант), 114; III, 70); многочисленным Петровым у Хармса (см. выше) найдется однофамилец и у Достоевского («Записки из Мертвого дома»); в том же произведении Достоевского имеется Орлов, которого также встретим у Хармса (II, 193<2>); там же – Михайлов, который дважды встречается у Хармса (II, 148, 193<2>); Марков из «Бедных людей» обнаруживается у Хармса (II, 193<24>); в том же произведении Достоевского имеется Ермолаев, которого найдем и у Хармса (II, 126); Блинову из Достоевского («Как опасно предаваться честолюбивым снам») отыскиваются однофамильцы в двух произведениях Хармса (II, 126 и примечание); наконец, в «Записках из Мертвого дома» встретим еще две фамилии, Антонов и Гвоздилов, которые есть и у Хармса (соответственно II, 68; III, 87); бросается в глаза, наряду с «Крокодилом», большое число совпадений фамилий персонажей «Записок из Мертвого дома» с произведениями Хармса.

За пределами представленных ономастических параллелей располагается обширное поле исследования того, как

мотивы и сюжеты Достоевского интенсивно трансформируются у Хармса⁶. Оснований для такого исследования множество. Достаточно, например, отметить такую «хармсовскую» сцену в «Неточке Незвановой» Достоевского: «...я упала на улице и пролила всю чашку. Первая моя мысль была о том, как рассердится матушка. Между тем я чувствовала ужасную боль в левой руке и не могла встать. Кругом меня остановились прохожие; какая-то старушка начала меня поднимать, а какой-то мальчик, пробежавший мимо, ударил меня сапогом в голову» (*Достоевский* Ф. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1972. Т. 2. С. 161). Можно обратить, например, внимание на параллель такой впечатляющей детали «Старухи» Хармса, как неведомо куда отлетевшая челюсть мертвой старухи, со сном Степана Петровича Верховенского в «Бесах» Достоевского, в котором ему является раскрытая челюсть: М. С. Альтманом эта деталь у Достоевского интерпретируется как крайняя степень опасности, по народному поверью предвещающая близость смерти⁷.

Достойны параллельного сопоставления сны у Достоевского и Хармса; эротические коннотации мотива насекомых

⁶ Можно назвать лишь несколько работ, в разной степени предваряющих масштабное исследование этой темы: *Jovanovic M.* Случай Раскольников и его отголоски в русской советской прозе: (пародийный аспект) // *Zbornik za slavistiku*. 1981. № 21. Р. 46–48; *Cassedy S.* Daniil Kharms's parody of Dostoevskii: anti-tragedy as political comment // *Canadian – American studies*. 1984. № 18. Р. 268–284.

⁷ *Альтман М. С.* Пестрые заметки // *Достоевский: Материалы и исследования*. З. Л., 1978. С. 189.

у обоих писателей⁸; соотношение у них частоты употребления слова «вдруг»⁹ и еще целый ряд важнейших для обоих писателей мотивов и свойств их поэтики.

Таким образом, ассоциирующееся с Хармсом понятие «авангардного писателя», которое предполагает обновление языка, поэтики, самого взгляда на мир, не только не отменяет фундаментальной классической основы его творчества, но она уже обнаруживается и еще должна быть выявлена в таком масштабе, что самое понятие «авангарда» применительно к творчеству Хармса потребует существенных корректировок.

Валерий Сажин

⁸ У Достоевского этот аспект рассмотрен: *Бэллен Р. Л.* Структура «Братьев Карамазовых». СПб., 1997.

⁹ Применительно к Достоевскому см.: *Топоров В. Н.* О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления: («Преступление и наказание») // *Structure of Texts and Semiotics of Culture*. Paris, 1973. P. 225–302.

Стихотворения

1925

1. О том как иван иванович попросил и что из этого вышло

Посвящается Тылли и восклицательному знаку

иван иваныч Расскажи
кíку с кóкой Расскажи
на заборе Расскажи

ты Расскажешь паровоз
почему же паровоз?
мы не хотим паровоз.

лучше шпилька, беренда́
с хи ка ку гой беренда
завертёла беренда

как то жил один столяр
только жилистый столяр

мазал клейстером столяр

делал стулья и столы
делал молотом столы
из орешника столы

было звать его иван
и отца его иван
так и звать его иван

у него была жена
не мамаша, а жена
НЕ МАМАША А ЖЕНА

как её зовут теперь
я не помню теперь
позабыл те – перь

иван иваныч говорит
очень умно говорит
поцелуй^{10*} говорит.

а жена ему: нахал!
ты муж и нахал!
убирайся нахал!

я с тобою не хочу
делать это не хочу

¹⁰ В оригинале стоит непреличное слово. (Примеч. автора.)

потому что не хочу.

иван иваныч взял платок
развернул себе платок
и опять сложил платок

ты не хочешь, говорит
ну так что же, говорит
я уеду, говорит

а жена ему: нахал!
ты муж и нахал!
убирайся нахал!

я совсем не для тебя
не желаю знать тебя
и плевать хочу в тебя.

иван иваныч поглупел
между прочим поглупел
у усикирку поглупел

а жена ему сюда
развернулась да сюда
да потом ещё сюда

в ухо двинула потом
зубы выбила потом
и ударила потом!

иван ива́нович за́пнулся
так немножечко за́пнулся
за п... п... п... п... п... пнулся

ты не хочешь, говорит
ну так чтоже, говорит
я уеду, говорит

а жена ему: нахал!
ты муж и нахал!
убирайся нахал!

и уехал он уехал
на извози́ке уехал
и на поезде уехал

а жена осталась тут
и я тоже был тут
оба были мы тут.

Даниил Заточник (Хармс)
1925 ноябрь

2. От бабушки до Esther

баба́ля мальчик
трéстень гу́бка

рукой саратовской в мыло уйду
сырым седёньем
щёниша вальги
кудрявый носик
платком обут —
капот в балах
скольжу трамваем
Владимирскую поперёк
посельницам
сырунду сваи
грубить татарину
в окно.

мы улицу
валу́нно ла́чим
и валенками набекрень
и жёлтая рука иначе
купается меж деревень.
шлён и студень
фарсится шляпой
лишь горсточка
лишь только три
лишь настеж балериной снята
и ту́кается у ветрин.
холодное бродяга брюхо
вздымается на костыли
резиновая старуха
а может быть павлин
а может быть
вот в этом доме

бабаля очерёдом
кандыжится семью попами
соломенное ведро.

купальница
поёт карманы
из улицы
в прыщи дворов
надушенная
сёлю рябчика
распахивается
под перо —

и кажется
она Владимирская
садится у печеря
серёжками —
— как будто за город
а сумочкою —
— на меня шурованная
так и катится
за бабаля калеты
репейником
простое платьеце
и ленточкою головы —

ПУСТЬ

— балабошит бабушка
БЕЛЬгию и блены
пусть озирает дбхлая
ростанную полынь
сердится кошечкой

около кота
вырвится вырвится
вырвится в лад
шубкою о́конью
ля́женьем в бунь
ма́ханьким пе́рсиком
вихрь табáнь
а́льдера шишечка
ми́ндера буль
у́лька и фа́нька
и ситец и я.

ВСЁ

<1925>

3. Наброски к поэме «Михаилы»

I Михаил

крю́чником в окошко
скáндит скáндит
ру́бль тоже
ма́ху кинь
улитала кенорем
за папаху серую

улитали пальцами

ка́ – за́ – ки́

лезет у́тером

всякая утка

шамать при́сну

бла́ – гослови

о – ко – я́нные

через пояс

поя́с у́ткан

поя́с у́бран

до зарёзу

до Соф́ии.

ду́ет ка́пень

Симфе́рополя

ши́ре бо́рова русси́

из за мо́ря

ва́ром на́ поле

ва́жно фы́лят

па́ – ру́ – са́.

и текло́

текло́

текляно

по нема́заны́м усам

разве мало

или водка

то посе́я – то пошла

а се́ го́ дня́ на́ до́ во́т ка́к

до́ по́с ле́д ня́ го́ ко́в ша́

II Михаил

Станем биться
по гуляне
пред иконою аминь
руковицей на колёни
заболели мужики.
вытерали бороною
блюдца
было боязно порою
оглянуться
над ерёмой становился
камень
яфер
он кабылку сюртуками
забояферт —
— и куда твою деревню
покатило по гуртам
за еловые деревья
задевая тут и там.
Я держу тебя и холю
не зарежешь так прикинь
чтобы правила косою
возле моста и реки
а когда мостами речка
заколóдила тупыш

иесусовый прѣдтѣча
окунается тудыж.
ты мужик – тебе пахаба
только плюнуть на него
и с ухаба на ухабы
от иконы в хоровод
под плясúлю ты оборван
ты ерёма и святой
заломил в четыре горла
– дребеждящую бутылъ —
– разве мало!
разве водка!
то посея – то пошла!
а сегодня надо вóт как!
до послѣдняго ковшá.

III Михаил

пáжен хóлка
мамина булáвка
чѣ – рез гó – ловы
после завтра
если на верáн – ду
óзера манúли
вíдел рáно
стá – нí – слáв

вўлды алые
о – па – саясь
за дра жалі
на кі тай
серый выган
пе ту ха ми
станиславу
шар ку ну
бин то вала
ты моя карбоилка
ты мой парус
ко ра лёк
залетуиля
за ру башку
ма ка роны
бо си ком
зуб акулий
не покажет
не покажет
и сте – кло
ляда пахнет пержимолью
альманахами ногá
чтобы пели в комсамоле
парашуты и ноган
чтобы лыко станиславу
возносило балабу
за московскую заставу —
пар ра шу ты
и но ган

из пещёры
в го́ру
камень
буд – то
в титю
мо ло ко
тянет го́лы – ми рука́ми
по́сле за́вта
на́ – ба́л – ко́н
у́ ко́ – го́
те́ перь не вста́нет
возле пу́па
го́ – ло́ – ва́
ра́зве ма́ – ло
или во́д – ка
то посе́я
то пошла́
а́ се го́д ня на́ до́ во́т ка́к
до́ пос лед ня́ го́ ко́в ша́.

ВСЁ

<1925>

4. Говор

Откормленные лы́лы
вздохнули и сказали

и только из под банки
и только и тютю́
каті́тесь под фуфё́лу
фафа́лу не перма́жете
и даже отваля́ла
из мя́киша кака́ —
— косы́нка моя у́лька
пода́рок или си́тец
зелёная салóнка
чани́чка купры́ш
сего́дня из под а́нды
фуфы́ляются рука́ми
откормленные лы́лы
и только
и тютю́.

ВСЁ

<1925>

5. Землю, говорят, изобрели конюхи

Посвящаю тем, кто живет на Конюшенной.

вступ

вертонú финики́ю
зерном шелдонú
бисирéла у за́ката

криволи́ким типуно́м

полуме́на зырыня́
калиту́шу шельдону́.

начало

приоткрыла портсигары
от шумовок заслоня
и валяша как репейник
с'ел малиновый пирог
чуть услыша между кресел
пероче́нье ранда́ша
разгогулину повесил
варинцами на ушах
Ира маленькая кукла
хочет ка́кать за моря
под рубашку возле пупа
и у снега фанаря
а голубушка и пряник
тянет крышу на шушу
живота островитяне
финикийские пишу

Зелено́ твоё ры́ло
и труба́
и корыто зипунами
барабан
полетели панталоны

бахромой
чудотворная икона
и духи
голубятина не – надо
überall
подарила выключатель
и узду

а кух́ами ни́жет а́лы – е
торапи́ покое был
..... даже пальму строить надо
для руины кабалы
на цыганах уводи́ла
али жмы́хи поло́вя
за коню́шни и уди́ла
фароонами зовя
финикия на гото́ве
переходы по́лажу
магомета из коню́шни
чепраками вывожу
валоамова ослица
пародила оку́нят
везелóнами больница
шераму́ра окиня́
и ковшами гы́чут ла́до
землю пахаря бы́лин
..... даже пальму строить на́до
для руины кабалы

Сы́на Авроа́мова
о́ндрия гунты́
по́том зашело́мила
бухнула гурты
ма́монта забу́ля
ле́да карабин
о́тарью капи́лица
о́трок на русси
бусами ма́ланится
пенистая мовь
шлёпая в предбаннице
лысто о порог

ны́не португалия
то́же сапоги
рыжими калёсами
тоже сапоги
уранила вырицу
тоже сапоги
калабала девочка
то́же говорит

а лен — ты
дан — ты
бур забор
лови́
хоро — ший
пе́ — рехо́д
твоя́ колода

пе – региб

а па́ – рахода

са́ – поги

надо ќикать лукомо́рье
для конюшенно́й езды
из за острова Амóнья
винограда и узды
и рукой её вертели
и руина кабала
и заказаны метёли
золотые купола

и чего-то разбе́лянет
кацавейкою вдали
а на небе кораблями
пробегали корабли

надо ќикать чернозёмом
а на́кикавшись втрубу
кумачёвую алёну
и ру́ину кабалу

не смотри на печене́гу
не увидешь кочерги...

..... а в залётах други́ми спáржами
телегра́ммою на версты́
але́ксáн – дру так и кажется

кто-то кикает за кусты́
..... целый день до заката вечера
от парчи до палёвок князевых
встанут челяди изувечено
тьмами синими полуазии
..... александра лозят арабы
целый остров ему бовёкой
александр лозит каравль
минотавра и человека
..... и апостола зыда маслом
чёрез шею опракинул
в море остров в море Пáтмос
в море шапка финикии.

ВСЁ

<1925>

6. Кика и Кóка

I

Под лóготь
Под кóку
фуфу́

и не крякай
не могут
фанфа́ры
ла-апошить
дебáсить

дрынь в ухо виляет
шаплé ментершу́ла
кагык буд-то лошадь
кагык уходырь
и свящ жвикави́ет
и воет собака
и гонятся ли́стья
сюды и туды

А с не́ба о хря́щи
все чаще и чаще
взвильнё́т ви ва вуво́й
и мрё́тся в углы́нь

С пине́жек зирéли
потя́нутся ко́кой
под логоть не фу́кай!
под ко́ку не плю́й!

а если чихнё́тся
губáстым саплю́ном
то Кíка и Кóка
такой же язык.

II

Черуки́к дощёным ша́гом
осклаб́ясь в улы́бку ќику
распу́шить по ветрову́лу!
разбежа́ться на траву
обсусале́нная ф́ига
буд-то ќика
на па́рóm
буд-то па́па пилигри́мом
на каме́ту у́скакал
а́у деа́у дербады́ра
а́у деа́у дерраба́ра
а́у деа́у хахети́ти
Мо́нна Ва́нна
хочет пítь.

III

шлѐп шляп
шлѐп шляп
шлѐп шляп
шлѐп шляп.

ВСЁ

<1925>

7. «Тише целуются...»

Тише целуются
— комната пуста —
ломками изгибами —
— полные уста: —
ноги были белые:
по снегу устал.

Разве сандалии
ходят по песку?
Разве православные
церкви расплесну?
Или только кошечки
Писают под стул?

Тянутся маёвками
красные гробá
ситцевые девушки —
по́ небу губа;
кружится и пляшется
будто бы на бал.

Грудь как головы
тело – молоко
глазом мерцальная
солнцем высоко...
Бог святая троица
в небо уколол.

Стуки и шорохи
кровью запиши;

там где просторнее
ку́киши куши́:
Вот по этой лесенке
девушкой спешил.

Ты ли целуешься?
– комната пуста —
Так ли сломáлися
– полные уста?
:Ноги были белые:
по снегу устал.

ВСЁ

<1925>

8. Сек

gew. (Esther)

И говорит Мишенька
рот открыв даже
– шійшиля кійшиля
Я в штаны ряжен. —

Н ты эт его
финьть фаньть фуньть
б м пільнео
фуньть фаньть финьть

Иа Иа Ыа
Н Н Н
Я полы мыла
Н Н Н

дриб жриб бббу
джинь джень баба
хлесь хлясь – здóрово —
ра́здай мама!
Вот тебе шійшелю!
финьть фаньть фуньть
на́кося кішелю!
фуньть фаньть финьть.

BCĚ

<1925>

1926

9. Польша затылки (срыв)

писано 1 января 1926 года

метит балагур татарин
в поддёвку короля лукошке
а палец безымянный
на стекле оттаял
и торчит гербом в окошко
ты торчи себе торчи
выше царской колончи

распахнулся орлик бубой
сели мы на бочку
рейн вина
океан пошёл на убыль
в небе кичку не видать

в пристань бухту
серую подушку
тристо молодок
и сорок семь
пóют китайца жёлтую душу

в зеркало смотрят
и плачат все.

вышел витязь
кашей гурьевой
гужил зѣмку
рыл долота
накути Ерѣма
вздуй его
вздулась шишка
в лоб золотая

блин колокольный в ноги. бухал
переколотил на четвёртый раз
суку ловил мышиным ухом
щурил в пень
солодовый глаз.

придѹ придѹ
в Маргорѣтку
хлѣбая затѣрами
каянский прѹ
пѣлѣшѣми
кѣлику едрит твою
около бамбука
пальцем тпр

скоро шаровары позавут татарина
книксен кукла

полька тур
мне ли петухами
кика пú подарена
чи́рики боя́рики
и пальцем тпр

зырь мани́шка
пу́говицей пли́совой
грудку корявую
ах! обнима́й
а в шкапу то
ни чорта лы́сого
хоть бы по́лки
и тех нема.

шея заболела на корону у́была
в жаркую печку затылок утёк
не осуди шерстяная публика
громкую кичку¹¹
Хармса – дитё.
Хармса – дитё.

ВСЁ

Даниил Хармс
1926, 1 янв.

¹¹ именно кичка а не кличка. (Примеч. автора.)

10. Выюшка смерть

Сергею Есенину

ах вы сѣни мои сѣни
я ли гусями вяжѹ
приходил ко мне Есенин
и четы́ре мужика́

и с чего́-бы это ра́доваться
ло́жкой стуча́ть
пошивѣливая па́льцами
гру́сть да печа́ль

как ходи́ли мы ходи́ли
от поро́га в Кишинёв
проплева́ли три неде́ли
потеря́ли кошелёк

ты Серёжа рукомо́йник
сары́нь и дуда́
разохотился по мо́йму
совсе́м не туда́

для тебя́ ли из корежѣны
ору́жье шы́к
не тако́й ты Серёжа

не тако́й уж ты́

по́й – ма́й

ще́ки ду́ли

скарло́тину перламу́тр

из за во́рота поду́ли

Váter Unser – Líber Gótt

я пляса́ла сокола́ми

возле де́рева круго́м

ноги то́пали пляса́ли

возле де́рева круго́м

размога́й меня заты́ка

на кало́ше и ведре́

походи́-ка на заты́лке

мимо за́пертых дверей

гу́ли пе́ли ха́лваду́

чири́кали до́ ночí

на засе́ке до́лго ду́мал

кто поёт и брови чинит

не по́ полу пе́рвая

залудила́ пе́рьями

сперва́ чем то ду́дочным

вро́де как уха́бица́

полива́ла сы́пала

не ве́рила лебе́дями
зашу́хала кры́льями
зуба́ми зато́пала

с э́тако́го по ма́тери
с э́тако́го ку́барем
в обни́мку целу́ется
в о́чи ва́лит бли́ньями

а ле́та́ми плю́й его́
до бе́лой доскí и сядь
добреду́ до Клю́ева
о́братно заки́нуса́

просты́нкой за ро́дину
за ма́тушку ле́вую
у де́рева то́ненька
за Ду́нькину пу́говку́

пожури́ла де́вица
неве́ста сику́рая
а Се́рёжа де́ревце́м
на груди́ не кла́няется

на груди́ не кла́няется
не бу́кой не ве́чером
посыпа́ет о́коло
сперва́ чем то ду́дочны́м

14 января 1926

Даниил Хармс

Школа чинарей Взоръ зѣцми

11. Ваньки встаньки <I>

волчица шла дорогаю
дорогаю манашенькой
и камушек не трогала
серебрянной косой
на шею деревянную
садились человечики
манистами покрашенными
где-то высокѡ.

никто бы и не кланялся
продуманно и холодно
никто бы не закидывал
на речку поплавок
я первый у колѡдица
нашѡл еѡ подохлюю
и вечером до кѡзова
еѡ не повалок

стонала только бабушка
да грядка перестѡнывала
заново ерѡшила

капустных легушат
отцы мои запенелись
и дети непристойные
пускали на широкую
дорогу камыши

засни засни калачиком
за синей гололедицей
пруда хороший перепел
чугунный домовой
щека твоя плакучая
румянится цыганами
раскидывает порохом
(ленивую) войну

идут рубахи рыжики
покрикивают улицу
веревку колокольную
ладошки синяки
а кукла перед ужином
сырому тесту молится
и долго перекальвает
зубы на косяк

я жду тебя не падаю
смотрю – не высыпаюсь
из маминой коробочки
на ломаный сарай
обреж меня тапорилом

клади меня в посудину
но больше не получится
дырявая роса —

ВСЁ

Даниил Хармс
4 февр. 1926 г.

12. Ваньки встаньки <II>

ты послушай ка карась
имя палкой перебрось
а потом руби направо
и не спрашивай зараз
то Володю то Серёжу
то верёвку павар
то ли куру молодую
то ли повола вора

Разбери который лучше
может цапаться за тучи
перемыгой серебром
девятнадцатым ребром
разворачивать корыто
у собачий конуры
где пупырыши нерыты
и колеблется Нарым

Там лежали Михаилы
вонючими шкурами
до полуночи хилые
а под утро Шурами

и в прошлую среду
откидывая зановеси
прохожему серому
едва показались

сначала до плечика
румяного шарика
а после до клетчатых
штанишек ошпаривали

мне сказали на́ ушко
что чудо явилось
и царица Матушка
сама удивилась:

ах как же это милые?
как же это можно?
я шла себе мимо
носила дрожи

вошёл барабанщик
аршином в рост
его раненная щека

отвисала просто

он не слышит музыки
и нянин плач
на нём штаны узкие
и каленкоровый плащ

простите пожалуйста
я покривил душой
сердце сжалось
я чужой

— входит барабанщик небольшого роста —

ах как же это можно?
я знал заранее
— взял две ложки —
— ВЫ ИЗРАНЕНЫ. —
— ЗАНОВЕСЬ

собака ногу поднимает
ради си ради си
солдат Евангелие понимает
только в Сирии только в Сирии

но даже в Сирию солдат не хочет
плюет пропойца куда то
и в Сирию бросает кочень
где так умны Солдаты

ему бы пеночки не слизывать
ему бы всё: «руби да бей»
да чтобы сёстры ходили с клизмами
да чтобы было сто рублей

солдат а солдат
сколько тебе лет?
где твоя полатка?
и твой пистолет. —

кнѹчу в прихвостень кобыле
хоть бы куча
хоть бы мох
располуженной посуды
не полю не лужу
и в приподнятом бокале
покажу тебе ужб!

Едет мама серафѣмом
на ослице прямо в тыл
покупает сарафаны
и персидскую тафту

— солдат отворачивается и больше не хочет разговаривать

открылось дверце подкидное
запрятало пятнашку

сказало протопопу Ною:
— позвольте пятку вашу —

я не дам пятку
шнельклопс
дуй в ягоду
шнельклопс

разрешите вам не поверить
я архимандрит
а вы протопоп
а то рассержусь
и от самой Твери
возьму да и проедусь по́ полу

он рас-стегивает мундир
забикренивает папаху
и садится на ковёр
и свистит в четыре пальца:

пью фюфю́лы на фуфу́
еду мальчиком а Уфу
щекати меня судак
и под мы́шку и сюда
йхи блохи не хоши́
пу́фы бóже на матра́сс.

за бородатым бегут сутуленькие
в клетки пугается коза

а с неба разные свистульки
картошкой сыпятся в глаза

туды сюды
да плеть хвоста
да ты да я

да пой нога
считает пальцами до ста
и слышет голос: «помогай»
обернулся парусом
лезет выше клироса
до месяца не долез
до города не дошёл

обнимались старушки плакали
замочили туфли лаковые
со свечой читали Лермонтова
влюбились в кого го то кавалера там
на груди у него солнышко
а сестра его совушка
волоса его рыжие
королеву прижили
может кушать рябчика
да и то только в тряпочке
у него две шашки длинные
на стене висят...
Господи Помилуй
свят свят свят

– черти испугались молитвы и ушли из Гефсиманского сада, тогда самый святой человек сказал: —

здорово пить утрами молоко
и выходить гулять часа так на четыре
О человек! исполни сей закон
и на тебя не вскочит чирый.

ПОСЛУШАЙТЕ

сегодня например
какой то князь сказал своей любовнице:
– иди и вырый мне могилу на Днепре
и принеси листок смаковницы —

Она пошла уже козалошь в камыши
Но видит (!) князь (!) за ней (!) бежит (!)
кидаёт сумрачный ноган
к её растерзанным ногам
прости-прости я нехороший
раз 2 3 4 5 6 7ю..... (быстро)
а сам тихонько зубы крошит
как будто праведный совсем

О человек! исполни сей закон
и на тебя не вскочит чирый
метай рубашками в загон —
как говориться в притче:
– плен духу твоему язычник

и разуму закованная цепь —

– за кулисами говорят шёпотом, и публика с трепетом ловит бабочку. Несут изображение царя. Кто то фыркает в ладонь и говорит: блинчики. Его выводят —

Выйди глупый человек
и глупая лошадь
на Серёже полаче
и на Володе тоже
стыдно совестно и неприлично
говорить блинчики
а если комната вдобавок девичья
то нужно говорить как-то иначе
– Все удовлетворены и идут к выходу —

ВСЁ

ДаНил Хармс
1926 г. 11 февр.

13. Половинки

присудили у стогов
месяцем и речкою
и махнула голова
месяца голова

толстою ручкою

позавидовала ей
баба руку ей
позавидовала баба
корамыслами
на дворе моём широком
вышивают конаплёй
дедка валенками шлёпает
и пьёт молоко

позавидовала я
вот такими дулями
и родила меня мать
чехардой придорожною
а крестил меня поп
не поп а малина —

вся то распосадница
бабкина бухта
лавку закапала
вороньим яйцом
больно родимая
грудью заухала
мыльными пузырьками
бабке в лицо

ахнули бусы
бабы фыркали

стукала лопата
в брюхо ему
избы попы
и звёзды русые
речка игрушка
и солнце лимон
разные церковки
птички, палочки
оконце ла́аковое
расшитое

всё побежало
побежало и ахнуло
сам я вдеваю кол в решето
б'ется в лесу фанта́н фанта́вич
грузди собирает
селени́м паша́
перья точат
мальчик Митя
уснул в лесу
холодно в рубашке
кидаться шишками
кожа пупырашками
буд-то гусиная
высохли мочалками
волосы под мышками
хлещет бог
бог — осиновый

а́хнули бусы
бабы а́хнули
радугами стонет
баба Богородица
лик её вышитый
груди глажены
веки мигнут
и опять
закроются
сукровицей кажется потеют и дохнут навозные кучи
скучно в лесу!
в дремучем невесело!
мне то старухи до печёнки скучно
мальчика Митю
в церковь
НЕСТЬ
ведьма ты ведьма
кому ты позавидовала?
месяц пúпом сел на живот!
мальчика Митю
чтоб его (!) и́дола
сам я вдеваю кол в решето
сам я сажу
матыгой
ночью
жду перелесья
синего утра
и кто то меня за плечо ворбóчает
тянет на улицу

мой рукав

ЗНАЮ

от сюдова

мне не поверят

мне не разбить

ключевой тиши́

дедка мороз стучится в двери

месяц раскинул

в небе шалаши.

стены мои звончее пахаря

крепче жимолости в росту

крепли и крепи

и вдруг

заа́хала

бабы и бусы и шар на мосту

— милый голубку милой посылает —

шлёт куличи́

и хлай на столе

а губы плюются

в дым кисиями

а руки ласка́ются

ниже колен

ба́бка пе́ла

небу новосе́лье

небо полотенце!

небо уж не то!

бабка поля пшеном за́сеяла

сам я вдеваю кол в решето
пряжею бабкиной
месяц утонет
уши его
разольются рёчкою —
— там из окна
соседнего домика
бабка ему
ма́хну́ла ручкою —

ВСЁ

Школа

Взирь Зауми

Даниил Хармс

<1926>

14. «в репей закутаная лошадь...»

в репей закутаная лошадь
как репа из носу валилась
к утру лиш отперли конюшни
так заповедал сам Ефрейтор
Он в чистом галстукe
и сквозь решётку
во рту на золоте царапин шесть
едва откинув одеяло ползает
и слышет бабушка

под фонарями свист.
И слышет бабушка ушами мягкими
как кони брызгают слюной
и как давно земля курносая
стоит горбом на трёх китах
Но вдруг Ефрейтора супруга
замрёт в объятиях упругих
Как тихо станет конь презренный
в лицо накрашенной измене
творить акафисты по кругу
и поджидать свою подругу
Но взора глаз не терпит стража

его последние слова
Как он суров и детям страшен
и в жиле бьётся кровь славян
И видит он: его голубка
лежит на грязной мостовой
и зонтик ломаный и юбку
и гребень в волосе простой
Артур любимый верно снится
в бобровой шапке утром ей
И вот уже дрожат ресницы
и ноги ходят по траве.
Я знаю бедная Наташа
концы расщелены глухой
где человек плечами дышет
и дети рождаются хулой
Там быстро щёлкает рубанок

а дни минутами летят
там пни растут. Там спит дитя.
Там бьет лесничий в барабаны.

1–2 мая 1926

15. Конец героя

Живи хвостом сухих корней
за миром брошенных творений
бросая камни в небо в воду-ль
держась пустынным поотдаль
в красе бушующих румян
хлещи отравленным ура
призыва нежный алатырь
и Бога чёрный монастырь
Шумит ребячая проказа
до девки 107-го раза
и латы воина шумят
при пухлом шопоте шулят
Сады плодов и винограда
вокруг широкая ограда
мелькает девушка в окне.
Софокл вдруг подходит к ней
Не мучь передника рукою
и цвет волос своих не мучь
твоя рука жару прогонит
и дядька вынорнит из туч

и вмиг разбившись на матрасе
восстанет молод и прекрасен
и стоком бережных имян
как водолей пронзит меня
Сухое дерево ломалось
она в окне своём пугалась
бросала стражу и дозор
и щёки красила в позор
уж день вертелся в двери эти
шуты плясали в оперете
и ловкий крик блестящих дам
кричал: я честь свою отдам!
Под стук и лепет колотушек
Дитя свечу свою потушит
Потом идёт в леса укропа
В куриный дом и бабий ропот
крутя усы бежит полковник
минутной храбростью кичась
Сударыня я ваш поклонник
Скажите мне который час?
Она же взяв часы тугие
и не взирая на него
не слышет жалобы другие
повелевает выйти вон.
А я под знаменем в бою
плюю в колодец и пою:
Пусть ветер палубу колышет
но ветра стык моряк не слышет
Пусть дева плачет о зиме

и молоко даёт змее
Я окрестясь сухим приветом
стелю кровать себе при этом
бросая в небо дерзкий глас
и проходя четвёртый класс.
из леса выпрогнит метёлка
Умрёт в углу моя светёлка
Восстанет мёртвый на помост
с блином во рту промчится пост
Как жнец над пряхою не дышет
Как пряха нож вздымает выше
Не слышу я и не гляжу
как пёс под знаменем лежу
Но виден мне конец героя
глаза распухшие от крови
могилу с именем попа
и звон копающих лопат.
и виден мне келейник ровный
упряжка скучная и дровни
Ковёр раскинутых саней
лихая кичка: поскорей!
конец не так моя Розалья
пройдя всего лишь жизни треть
его схватили и связали
а дальше я не стал смотреть
и з<a>потев в могучем росте
всегда ликующий такой
никто не скажет и не спросит
и не помянет за упокой.

2 мая 1926

16. Казачья смерть

Бежала лошадь очень быстро
ее хозяин турондул
Но вот уже Елагин остров
им путь собой перегородил.
Возница тут же запыхавшись
снял тулуп и лег в кровать,
четыре ночи спал обнявшись
Его хотели покарать.
Но он вскочил недавно спящий
наскоро запер письменный ящик
и не терпя позора фальши
через минуту ехал дальше
Бежала лошадь очень быстро
Казалось нет ее конца
Вдруг прозвучал пустынный выстрел
поймав телегу и бойца.
Кто стреляет в эту пору?
Спросил потусторонний страж
седок и лошадь мчатся в прорубь
их головы обьяла дрожь,
их туловища были с дыркой.
Мечтал скакун. Хозяин фыркал,
внемля блеянию овцы

держа телегу под уздцы.
Он был уже немного скучный,
так не ожидано умерев
Пред ним кафтан благополучный
лежал местами прогорев.
Скакали день и ночь гусары
перекликались от тоски.
Карета плавала. Рессоры
ломались поперек доски.
Но вот седок ее убогий
ожил быстро как олень
перескочил на брег пологий
А дальше прыгнуть было лень.
О как < >¹² эта местность
подумал он смолчав
К нему уже со всей окрестности
несли седеющих волчат
Петроний встал под эти сосны
Я лих и нет пощады вам —
звучал его привет не сносный
телега ехала к дровам.
В ту пору выстрелом не тронут
возница голову склонил
Пусть живут себе тритоны
он небеса о том молил.
Его лошадка и тележка
Стучала мимо дачных мест
А легкоперое колешко

¹² Пропуск в источнике текста. — Сост.

высказывало свой протест.
Не ездил бы ты мужик
в этот сумрачный огород
вон колено твое дрожит
Ты сам дрожишь на оборот
Ты убит в четыре места
Под угрозой топора
Кличет на ветру невеста
Ей тоже умерать пора.
Она завертывается в полотна
и раз два три молчит как пень.

Но тут вошел гусар болотный
и промолчал он был слепень
Потом вскочил на эту лошадь
и уехал на бекрень.
Ему вдогонку пуля выла
он скакал закрыв глаза
все завертелось и уплыло
как муравей и стрекоза.
Бежала лошадь очень быстро
гусар качался на седле.
Там в перемешку дождик прыскал
избушка тухнула в селе
их путь лежал немного криво
уж понедельник не ступил
— мне мешает эта грива
казак нечаянно говорил.

Он был убит и уничтожен
Потом в железный ящик вложен
и как-то утричком весной
был похоронен под сосной
Прощай казак турецкий воин
мы печалимся и воем
нам эту смерть не пережить
Тут под сосной казак лежит.

ВСЁ

19–20 октября 1926

17. «друг за другом шёл народ...»

друг за другом шёл народ
ужимки тая в лице звериные
он шёл все прямо потом наоборот
летели поля необозримые

там где зелёный косогор
река поворачивала круто
был народ как пуля скор
и невинен был как утро
еще пройдя с полсотни вёрст
кто то крикнул: «земля».
кто то сразу вытянул перст
но дальше итти было нельзя.

уж над людьми колыхалась ночь

проплывало миллион годин
уж не шагом они а в скочь
торапилися как один
и ещё прошло 20 лет
все умерли как по заказу
<1 ст. нрзб.>
им с двух сторон по глазу

3 ноября <1926>

18. Ответ Н. З. и Е. В.

мы спешим на этот зов
эти стоны этих сов
э<т>их отроков послушных
в шлемах памятных и душных
не сменяем колпака
этой осенью пока
на колпак остроконечный
со звездой поперечной
с пятилучною звездой
с верхоконною ездой.
и два воина глядели
ждите нас в конце недели
чай лишь утренний сольют
мы приедем под салют.

Д. Х.

15 ноября <1926>

19. Случай на железной дороге

как-то бабушка махнула
и сейчас же паровоз
детям подал и сказал
пейте кашу и сундук.
утром дети шли назад.
сели дети на забор
и сказали: вороной
поработый я не буду
маша тоже не такая
как хотите может быть
мы залижем и писочек
то что небо выразило.
вылезайте на вогзал
здравствуй здравствуй Грузия

как нам выйти из неё
мимо этого большого
не забора. ах вы дети
выросла палеандра
и влетая на вагоны
перемыла не того
что налива с перепугу

оградил семью волами
вынул деньги из кармана
деньги серые в лице

Ну так вот. а дальше прели
всё супа – сказала тетя
всё чижи – ск<a>зал покойник
даже тело опустилось
и чирикало любезно
но зато немного скучно
и как будто бы назад
дети слушали обедню
надевая на плечо —
мышка бегала в передник
раздирая два плеча
а грузинка на пороге
все твертила. – а грузин
перегнувшись под горою
шарил пальцами в грязи.

<1926>

20. Пророк с Аничкиного моста

Где скакуны поводья рвут
согнув хребты мостами
пророк дерзает вниз ко рву
сойти прохладными устами.

О непокорный! что же ты
глядишь на взмыленную воду?
Теребит буря твой хохол
потом щеку облобызает.
Тебя девический обман
не веселит. Мечты бесскладно
придут порой. Веслом о берег
стукнет всадник.
Уж пуст – челнок.
Уж тучен – гребень.
И, тщетно требуя поймать
в реке сапог, рыдает мать.
Ей девочка приносит завтрак
бутылку молока и сыр.
А в сумке прячет на завтрак
его красивые усы.
В трактире кончилась попойка
Заря повисла над мостом.
Фома ненужную копейку
бросает в воду. Ночь прошла.
И девочка снимает платье,
кольцо и головной убор,
свистит как я в четыре пальца
и прыгает через забор.
Ищи! Никто тебе помехой
не встанет на пути своем.
Она ушла, а он уехал
и вновь вернулись вдвоем.
Как загорели щеки их!

Как взгляд послушный вдруг притих!
За ними горница пуста.
И растворились их уста:
— Мы плыли ночью. Было тихо.
Я пела песню, Милый греб.
Но вдруг ныряет тигр плавающий
пред нашей лодкой поперек.
Я огляделась вокруг. Фонтанка
проснувшись знаменье творит.
За полночь звякают стаканы.
Мой брат стучится: отвори!
Всю ночь катались волны мимо.
Купался зверь. Пустела даль.
бежали дети. А за нами
несли корону и медаль.
И вот, где кони рвут поводья,
согнув хребты сбегают вниз,
ноздрями красными поводят
и бьют копытом седока, —
мы голос ласковый слыхали.
Земля вертелась в голос тот.
И гром и буря утихали
и платье сохло на ветру
И волчьим шагом оступаясь
на мост восходит горд и лих
пророк. А мы не плыли дальше
на брег скакая женихом.

1926 года

21. Скупость

Люди спят
урлы-мурлы
над людьми
парят орлы.
Люди спят
и ночь пуста
сторож ходит вокруг куста.
Сторож он
не то что ты,
сон блудливый
как мечты,
сон ленивый как перелёт
руки длинные как переплёт.

Друг за другом люди спят
все укрылися до пят.
Мы давно покоя рыщем.
Дым стоит над их желищем.

Голубь турмань вьёт гнездо,
подъезжал к крыльцу ездок,
пыхот слышался машин,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.